

№ 268
Полка

406
F-24

О ЗАДАЧАХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ ИЗБИРАЕМЫХЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМИ КОМИТЕТАМИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ СЪЪЗДОВЪ.

Отчетъ члена-корреспондента IV-го Археологическаго Съезда по Нижнему-Новгороду

А. С. Гауцкаго.

(Читано въ засѣданіи по отд. Первобытныхъ древностей, 17 августа. См. Протоколы, стр. СХХVII).

Почтенный въ засѣданіи предварительнаго комитета четвертаго Археологическаго Съезда въ Казани, 27 сентября 1876 года, избраніемъ меня въ члены-корреспонденты Археологическаго Съезда по Нижнему Новгороду, имѣю честь представить Съезду отчетъ о томъ, какъ выполнена мною возложенная на меня предварительнымъ комитетомъ обязанность, значительно мнѣ облегченная Нижегородскимъ статистическимъ комитетомъ.

Прежде всего однако долженъ я оговориться. Археологія, не смотря на свое дышащее сѣдой стариной названіе, наука новая и даже юная, особенно у насъ въ Россіи. Поэтому у насъ истинныхъ археологовъ слишкомъ мало. Поэтому нисколько не удивительно, во-первыхъ то, что предварительный комитетъ четвертаго Археологическаго Съезда вынужденъ былъ избрать, въ числѣ своихъ членовъ-корреспондентовъ, и меня, а во-вторыхъ, неудивительно, что и я принялъ на себя исполненіе возложенной на меня задачи, въ предѣлахъ наличной, такъ-сказать, археологической возможности для себя. Поэтому не беру на себя смѣлости представить археологическому съезду какой либо рефератъ по археологіи, а ограничиваюсь простымъ отчетомъ по своему званію члена-корреспондента съезда по Нижнему Новгороду, надѣясь, что ничего болѣе того, что я могу дать, никто не въ правѣ отъ меня потребовать. Поэтому, наконецъ, отчетъ мой, съ одной стороны не можетъ быть серьезнѣе той формы сообщенъ съезду, которая можетъ

быть названа *археологическимъ фельетономъ* (не умѣю выразиться иначе о произведеніи профана въ археологіи), съ другой—является простымъ донесеніемъ агента археологическаго съѣзда о томъ, что ему поручено было исполнить.

(Затѣмъ А. С. Гацискій излагаетъ подробно свою переписку съ предварительнымъ комитетомъ IV-го Археологическаго Съѣзда, съ 27 сентября 1876 года по 23 іюля 1877 года, объ ученыхъ порученіяхъ, данныхъ ему комитетомъ, по работѣ разныхъ запросовъ программы съѣзда) ⁽¹⁾.

Изложивъ что отъ меня требовалось предварительнымъ комитетомъ IV-го Археологическаго Съѣзда, перейду къ тому, что мною исполнено. Начну однако съ сожалѣнія, что не смотря на выполненіе кое-чего изъ желаній предварительнаго комитета и даже не смотря на исполненіе кое-чего, на что не указывалось предварительнымъ комитетомъ, доля исполненнаго мною едва-ли выкупается всеѣмъ *излишкомъ моего усердія*.

1) По вопросу о томъ, что сдѣлано въ Нижегородской губерніи по археологіи въ теченіе послѣднихъ 25—30 лѣтъ прилагается составленный мною библиографическій указатель ⁽²⁾.

Исторія Нижегородскаго Поволжья, благодаря въ особенности трудамъ П. И. Мельникова, разработана довольно обстоятельно: почти все помѣщенные въ Нижегородскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ историческія статьи принадлежатъ ему, хотя подписаны имъ только немногія. Но собственно въ археологическомъ отношеніи Нижегородское Поволжье представляетъ еще не початой уголь, а историческая археологія края почти вовсе не тронута. Л. В. Даль, объѣхавшій Нижегородскую губернію, по порученію Нижегородскаго статистическаго комитета, передъ I-мъ археологическимъ съѣздомъ въ Москвѣ, говорить, что „она представляетъ въ архитектурномъ отношеніи такъ сказать первую ступень русскаго новаго развитія въ Поволжья и послѣ отстроенаго Алексѣемъ Михайловичемъ Ярославля, первый образецъ сильнаго петровскаго и по-петровскаго развитія; большинство памятниковъ здѣсь—петровскіе, когда гремѣло имя Строгоновыхъ, затѣмъ елизаветинскіе и екатерининскіе“. Курганныхъ раскопокъ въ Нижегородскомъ Поволжья почти вовсе не было производимо, не смотря на обиліе курганныхъ остатковъ и вообще остатковъ каменнаго періода, тамъ и сямъ ежегодно выпахиваемыхъ на поляхъ. Изрѣдка,

⁽¹⁾ О сношеніяхъ А. С. Гацискаго съ предварительнымъ комитетомъ IV-го Археологическаго Съѣзда см. въ «Извлеченіяхъ» изъ протоколовъ этого комитета, изданныхъ въ Казани въ 1877 г. отдельными брошюрами и розданныхъ гг. членамъ съѣзда при его открытіи.—*Ред.*

⁽²⁾ Указатель этотъ помѣщается ниже, въ особомъ отдѣлѣ «Трудовъ IV-го Археологическаго Съѣзда»: *матеріаловъ и библиографіи*.—*Ред.*

случайно попадали они въ руки специалистовъ, напр. П. И. Лерха (см. томъ V „Извѣстій Археолог. общ.“), изрѣдка—въ руки ученыхъ, посѣщавшихъ губернію вовсе не съ археологическими цѣлями, напр. профессора В. И. Мѣллера (см. 2 рисунка стрѣлы и топорика въ его „Очеркъ геологическаго строенія южной части Нижегород. губерніи“, стр. 18), но большею частью употребляются они крестьянами для домашнихъ надобностей. Одинъ молотъ каменнаго періода, найденный на берегу пруда въ с. Волгирѣ, Арзамаскаго уѣзда и употреблявшійся долгое время на расколку сахара, пріобрѣтенъ былъ Л. В. Далемъ и переданъ имъ Нижегородскому статистическому комитету, который, къ слову сказать, ставя археологическія изысканія, по существу своего назначенія, на послѣдній планъ, обладаетъ самымъ ничтожнымъ собраніемъ археологическихъ предметовъ⁽¹⁾. Довольно богатое собраніе орудій каменнаго вѣка, принадлежавшее А. П. Поливанову, составленное имъ на границахъ Нижегородской губерніи съ Костромскою, передано имъ въ музей костромскаго земства.

Если собственно археологія не процвѣтаетъ въ Нижегородской губерніи, то также мало процвѣтаетъ въ ней архивное дѣло. Поставленное въ нѣсколько болѣе благопріятныя условія съ 1867 года, когда всѣ предназначаемыя къ уничтоженію архивныя дѣла сообщаются на предварительный просмотръ Нижегородскаго статистическаго комитета, архивный вопросъ однако будетъ подвергаться извѣстной долѣ риска до тѣхъ поръ, пока не осуществится преобразование провинціальныхъ архивовъ, на которое я имѣлъ честь обращать вниманіе перваго археологическаго съѣзда, и главнымъ образомъ, пока не осуществляются мысли уважаемаго Н. В. Калачова, высказанныя имъ какъ на третьемъ археологическомъ съѣздѣ, такъ и на настоящемъ: объ учрежденіи центральныхъ архивовъ въ такихъ пунктахъ, какъ Архангельскъ, Казань, Пермь, Уфа, Саратовъ, Тифлисъ, Псковъ, Новгородъ, Владиміръ, Рязань, Ярославль, Н. Новгородъ, и объ учрежденіи археологическаго института.

(1) Такимъ образомъ заботы о сохраненіи памятниковъ древности въ Нижегородской губерніи лежатъ на рукахъ учрежденія, преслѣдующаго совершенно противоположныя археологіи цѣли: работы о прошедшемъ, да еще о давно прошедшемъ, лежатъ на учрежденіи, исключительно обязанномъ заниматься настоящимъ. Въ сознаніи однако такъ сказать вынужденной энциклопедичности своего существованія, Нижегородскій статистическій комитетъ дѣлаетъ и по археологіи все, что отъ него зависитъ. (См. засѣданія комитета: 28 октября 1867, 16 февраля и 30 октября 1868, 11 июня и 19 декабря 1869, 4 мая 1872, 30 апрѣля и 3 декабря 1870, 3 мая и 17 сентября 1873, 23 февраля и 30 ноября 1874, 8 мая и 20 декабря 1875, 1 июня и 8 октября 1876, 16 февраля и 27 мая 1877).

Не лишне привести здѣсь перечень посѣщенныхъ Л. В. Далемъ мѣстностей въ Нижегородской губерніи и перечень находящихся въ ней остатковъ кургановъ, городищъ, городковъ и т. п. (см. засѣданія статистическаго комитета 11 іюня 1869 года, 17 сентября 1873 года и 23 февраля 1874 года).

Л. В. Даль посѣтилъ города: Балахну, Семеновъ и Арзамасъ и селенія: Пурехъ, Бредово, Юрино, Василеву слободу, Городецъ, Медвѣдево, Спасъ на Кезѣ, Оскочиху, Богородское, Павлово, Вазьянъ, Атемасово, Дубенское, Мухтолово и Спасское. Найденныя Л. В. Далемъ въ этихъ мѣстахъ древности не восходятъ ранѣе XV вѣка⁽¹⁾. Раскопки были произведены Л. В. Далемъ у с. Саблукова и деревни Липовки, Васильскаго уѣзда, при чемъ найдены были имъ черепки отъ горшка съ остатками угля и горшокъ съ узорчатыми краями.

Земляные валы, укрѣпленія, городища—сохранились въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Нижнемъ Новгородѣ (въ архіерейскомъ саду и въ саду г. Мичурина), Горбатовѣ, Балахнѣ, Василѣ (Цѣпень, Чортово городище), въ селеніяхъ: Чапорѣ, Спасскомъ, Пасьяновой, Ключицахъ, Ендовицахъ, Шаратовѣ, Юрьевѣ, Лысковѣ, Баранниковѣ, Кольчовѣ, Городцѣ, Архангельскомъ погостѣ, Саконахъ, Надеживѣ, Ичаловѣ, Кашинѣ, Новомъ Кашинѣ, Выползовѣ, Ознобишинѣ, Новомъ, Поѣ, Василевкѣ, Олонихѣ, Большомъ Мурашкинѣ, Большой Якшени, Саблуковѣ, Звѣревѣ.

Около с. Владимірскаго (на Люндѣ), въ Макарьевскомъ уѣздѣ, находится озеро Свѣтлое, или Свѣтлояръ, на мѣстѣ легендарнаго города Великаго Китежа. Къ озеру сходятся, начиная съ весны до заморозковъ, на поклоненіе массы народа изъ Нижегородской, Костромской и даже Вологодской губерніи; особенно большое стеченіе богомольцевъ (до 3000 и болѣе человекъ) бываетъ въ ночь съ 22 на 23 іюня (на „Владимірскую“). Авторъ статьи „на Нантскомъ конгрессѣ“ („Знаніе“ 1876), В. Н. Майновъ, описывая свою поѣздку 24 августа 1875 года, съ цѣлью поискать палео-этнологическихъ памятниковъ на озеро Гранъ-Льё, около котораго, по преданію, когда-то стоялъ городъ Эрбожъ, провалившійся по примѣру Содома и Гоморра сквозь землю и изъ котораго, также какъ изъ Великаго Китежа, по временамъ слышится колокольный звонъ,—говоритъ, что существованіе такого преданія прямо указываетъ на остатки озернаго жилища. Озеро Свѣтлояръ еще никѣмъ не было съ этой стороны изслѣдовано; г. Ворее утверждалъ еще недавно, что на всей русской землѣ каменнаго вѣка не существовало; А. П. Поливановъ собралъ свою

(1) Перечень церковныхъ древностей Нижегородской губерніи здѣсь не приводится, такъ какъ по этому предмету существуетъ трудъ архимандрита Макарія.

коллекцію орудій каменнаго вѣка именно неподалеку отъ озера Свѣтлояра. Не дѣлая никакихъ положительныхъ выводовъ изъ сказаннаго, такъ какъ это дѣло специалистовъ, позволю себѣ только замѣтить, что озеро Свѣтлояръ быть можетъ способно заинтересовать собою не съ одной гидрографической стороны.

2) По вопросу о мѣстныхъ преданіяхъ, касающихся первыхъ заселеній Русскихъ и ихъ борьбѣ съ туземцами, Нижегородскій статистическій комитетъ обратился къ нѣкоторымъ лицамъ, на компетентность которыхъ могъ разсчитывать, но обращеніе его не привело ни къ какимъ результатамъ, такъ что приходится сослаться на наличность тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя сообщены въ „Нижегородкѣ“, изд. 1876 года и въ той-же книжкѣ изд. 1877, препровожденной мною въ предварительный комитетъ.

3) По вопросу во 1-хъ) о праздникахъ, особо чествуемыхъ народомъ въ Нижегородской губерніи и о церквахъ, статистическій комитетъ просилъ мѣстныхъ священниковъ, при посредствѣ нижегородской духовной консисторіи, о доставленіи надлежащихъ отвѣтовъ и получилъ массу свѣдѣній (о праздникахъ, числѣ, названіи и годѣ основанія церквей). Изъ нихъ видно между прочимъ, что особо чествуемыми праздниками въ Нижегородской губерніи, кромѣ двенадцатыхъ и храмовыхъ, почитаются слѣдующіе: въ Нижнемъ — 24 іюня (Ивановъ день), 25 іюля (Макарія, чудотворца унженскаго и желтоводскаго, патрона Нижегородской ярмарки, по старой памяти Макарьевской ярмарки) и друг.; Нижегородской губерніи—11 февраля (Власія), 9 мая (Николинъ день), 23 іюня (Владимірская), 24 іюня (Ивановъ день), 26 іюня (Тихвинская), 8 іюля (Казанская), 20 іюля (Ильинъ день), 1 августа (первый Спасъ), 6 августа (второй Спасъ), 18 августа (Флора и Лавра), 4 сентября (Неопалимая купина), 25 сентября (Сергій), 1 октября (Покровъ Пресвятыя Богородицы), 26 октября (Дмитрій мироточивый), 1 ноября (Кузьма и Демьянъ), 8 ноября (Михайловъ день) и т. п.; какъ и повсемѣстно, въ Нижегородской губерніи въ такіе излюбленные народомъ дни бывають и ярмарки, и торжки (Никольская и Сергіевская—на Бору, Владимірская въ сс. Толмачевѣ Нижегородскаго уѣзда и Владимірскомъ Макарьевскаго, Вознесенская—въ г. Починкахъ, Ивановская—въ с. новомъ Ликеевѣ и въ Нижнемъ Новгородѣ, и т. д.). Во 2-хъ) по вопросу о нарѣчіяхъ Нижегородскій статистическій комитетъ обратился также къ нѣкоторымъ лицамъ, живущимъ въ губерніи, на компетентность которыхъ разсчитывалъ и получилъ отвѣтъ отъ дѣйств. членовъ комитета А. М. Ермолова, А. С. Коробкина и священника В. К. Владимірскаго, въ копіяхъ при этомъ прилагаемые ⁽¹⁾. Въ 3-хъ) относительно нахо-

(1) Объ особенностяхъ русскаго говора въ разныхъ мѣстностяхъ Нижегородской губерніи находятся свѣдѣнія въ замѣткахъ А. М. Ермолова и В. К. Владимірскаго помѣщаемыхъ въ приложеніи къ настоящей статьѣ (См. Приложение № 1).

дящихся въ употребленіи мѣстныхъ словъ, оборотовъ рѣчи и т. п. даютъ отвѣты частію названныя выше лица, частію нѣкоторые матеріалы, напечатанные въ „Нижегородскомъ сборникѣ“ (¹).

Вотъ все, что могло быть исполнено относительно требованій предварительнаго комитета по Нижнему Новгороду при посредствѣ моемъ и преимущественно при содѣйствіи Нижегородскаго статистическаго комитета.

Весь *излишекъ усердія моего*, который я могъ проявить, желая быть, на сколько это для меня возможно, полезнымъ съѣзду, выражается слѣдующимъ:

I. Представляю при этомъ на археологическую выставку: 1) Три предмета — отъ Н. П. Всеволожской; 2) семнадцать предметовъ — отъ крестьянина П. Д. Дружкина; 3) двадцать семь предметовъ — отъ И. В. Брызгалова; 4) пять предметовъ — отъ священника А. Ардентова; 5) двадцать три предмета — отъ крестьянина Е. М. Карпычева; 6) 1281 предметъ — отъ Нижегородскаго статистическаго комитета (²).

II. Кромѣ упомянутыхъ выше библиографическаго указателя, свѣдѣній о праздникахъ и т. п., представляю при этомъ: 1) составленныя мною, по свѣдѣніямъ Нижегородскаго статистическаго комитета, двѣ карты Нижегородской губерніи: городищъ и кургановъ, и теперешняго инородческаго разселенія (³). 2) отвѣты нѣкоторыхъ лицъ на программу о географическихъ названіяхъ г. Евросуса и 3) составленную, по моей просьбѣ, крестьяниномъ П. Д. Дружкинымъ, памятную записку о его археологическихъ походахъ въ Костромской губерніи, въ которыхъ не могу не признать себя до нѣкоторой степени виноватымъ (⁴).

Считаю затѣмъ своею обязанностію представить на обсужденіе археологическаго съѣзда слѣдующія два предложенія:

(¹) Нижегородскій Сборн., т. II, стр. 318; т. III, стр. 151—157; т. V, стр. 197, 336—399.

(²) Предметы эти были экспонированы на выставкѣ при IV-мъ Археологическомъ Съѣздѣ. — *Ред.*

(³) Карту городищъ и кургановъ Нижегородской губерніи, составленную А. С. Гацискимъ, предполагается помѣстить въ атласѣ «Трудовъ IV-го Археологическаго Съѣзда». — *Ред.*

(⁴) Исходя изъ того, что лицами, подобными почтенному П. В. Дружкину нужно крайне дорожить (они такъ-сказать правыя руки археологіи, безъ которыхъ она обойтись не можетъ), не смѣшивая ихъ съ торгашами чистой крови, кромѣ наживы не имѣющими ничего въ виду, и побужденный нѣкоторыми обстоятельствами, о которыхъ не считаю себя въ правѣ здѣсь распространяться, я снабдилъ П. Д. только письменнымъ видомъ отъ Ниж-го стат. комитета за одною своею подписью, что и было причиной (въ соединеніи съ другою — неиспрошеніемъ П. Д. — чѣмъ разрѣшенія у мѣстныхъ землевладѣльцевъ и полиціи) походовъ его. Извлеченія изъ записки П. Д. Дружкина, съ исправленіемъ орографіи подлинника, помѣщаются въ приложеніи къ настоящей статьѣ. (См. Приложеніе, № 2).

1. Учрежденіе постоянного бюро археологическихъ съѣздовъ. Такое учрежденіе, которое дѣйствовало-бы непрерывно во весь промежутокъ времени отъ одного съѣзда до другаго, было-бы, кажется мнѣ, крайне желательно. Оно могло-бы быть образовано на основаніяхъ, подобныхъ учрежденію постоянной комиссіи международныхъ статистическихъ конгрессовъ, съ такими однако ограниченіями, которыя исключали-бы возможность даже возникновенія вопроса о цѣлесообразности существованія самихъ съѣздовъ, такъ какъ подобныя постоянныя бюро, комиссіи, по самому назначенію своему, никогда не въ состояніи выполнить широкихъ и совершенно спеціально имъ принадлежащихъ задачъ съѣздовъ, конгрессовъ. Однимъ изъ мотивовъ для существованія постоянного археологическаго бюро я считалъ-бы, между прочимъ, необходимость пробуждать мѣтныя ученныя силы по отношенію къ археологіи: въ нашемъ обществѣ есть масса лицъ (преимущественно деревенскихъ — священниковъ, учителей, волостныхъ писарей, мелкопомѣстныхъ дворянъ), которыя охотно приняли-бы на себя служеніе такъ-сказать прикладной археологіи, если-бы ихъ почаще на это наталкивали, если-бы имъ только ясно указывали что и какъ дѣлать; чтобы эти силы не пропадали даромъ, стоитъ только ихъ организовать и направить въ извѣстномъ направленіи. Мнѣ могутъ возразить, что роль подобнаго бюро можетъ быть возложена на наши археологическія общества; но на это возраженіе я возьму на себя трудъ представить противозраженіе только тогда, когда у насъ будетъ по крайней мѣрѣ однимъ археологическимъ обществомъ больше.

2. Учрежденіе при Казанскомъ университетѣ кафедры финскихъ нарѣчій. Мысль эта принадлежитъ не мнѣ, а лицу, желающему сохранить свое инкогнито, и до такой степени естественна, что съ принципиальной своей стороны, мнѣ кажется, не можетъ встрѣтить положительно никакого возраженія.

Въ заключеніе, возвращаясь къ тому, съ чего началъ, не стѣсняюсь заявить, что мнѣ не только не совѣстно представлять съѣзду настоящій отчетъ — потому что у насъ по археологіи еще слишкомъ мало сдѣлано (я не говорю о теоретической разработкѣ науки, которая относительно достаточно идетъ вперед), но даже не совѣстно называться членомъ археологическаго съѣзда съ 1869 года — потому, что у насъ еще слишкомъ мало истинныхъ археологовъ: если у насъ, для такихъ спеціальностей, какъ медицина, инженерное искусство и т. п. требуется спеціальное научное образованіе, то для того, чтобы быть (или по крайней мѣрѣ считать себя) „археологомъ“ достаточно описать какой нибудь курганчикъ, или собрать 2 монетки, или кое-какъ переписать заглавія случайно-попавшихъ подъ руку сочиненій по археологіи... А иногда и этого не требуется.

Въ концѣ концовъ не скрою, что придаю *нѣкоторое* значеніе настоящему своему отчету въ виду практики археологическихъ сѣздовъ, въ которой былъ-бы, кажется мнѣ, желателенъ обычай представленія членами-корреспондентами отчетовъ о своихъ дѣйствіяхъ, каковы-бы они ни были, археологическому сѣзду. Противъ единственнаго возраженія, которое быть можетъ, мнѣ удастся встрѣтить, я могу представить доводъ о необходимости извѣстной дисциплины во всякомъ дѣлѣ, особенно полезной тамъ, гдѣ эта дисциплина можетъ быть заранѣе свободно принята или отвергнута.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ОТЧЕТУ А. С. ГАДИСКАГО.

I.

Объ особенностяхъ русскаго говора въ разныхъ мѣстностяхъ Нижегородской губернии.

Замѣтки А. М. Ермолова и священника В. К. Владимірскаго.

Особаго нарѣчія испорченнаго русскаго я не знаю—пишетъ г. Ермоловъ—но могу обратить вниманіе на Слободскую волость Лукояновскаго уѣзда, населенную крестьянами временно-обязанными князю Кочубею. Народъ ихъ называетъ *будаками*. Они откуда-то вывезены предками князя. Хотя они говорятъ по русски, но произношеніе словъ, обороты рѣчи, совершенно особенныя. Все го удобнѣе обратиться по этому поводу къ мѣстному села Слободы священнику, къ управляющему Егору Ивановичу Праю и въ Слободское волостное правленіе. Мордва и Татары, живущіе въ Сергачскомъ уѣздѣ, хотя говорятъ по русски всё (исключая женщинъ, изъ которыхъ многія не знаютъ ни слова русскаго), но особенность ихъ манеры говорить такъ своеобразна, что мордвина, одѣтаго въ русскій костюмъ (разница съ русскими только бѣлая рубашка) по говору всегда можно узнать. Татары по чему-то ко всякой фразѣ прибавляютъ частицу «те», напр. «чаю-те, будеть давать-те». Есть много простонародныхъ словъ и оборотовъ рѣчи, но я не думаю, чтобы всё они сложились подъ вліяніемъ Мордвы и Татаръ населяющихъ уѣздъ; напр. *окламаня*, вмѣсто выздоровѣлъ, *хижа*—непогодъ, выюга дуетъ *гульминами*, т. е. порывами, какъ бы облаками; *чивчирь*—бабы коты, особаго покроя, и много другихъ.

Священникъ В. К. Владимірскій передаетъ слѣдующее:

Когда я переселился сюда изъ подъ Нижняго, тогда мнѣ, какъ новичку, довольно рѣзко бросились въ глаза нѣкоторыя особенности мѣстнаго говора, въ сравненіи съ нарѣчіями мѣстностей, гдѣ я родился и выросъ. Эти особенности касаются, во первыхъ, произношенія (акцента), во вторыхъ, граматическаго строя рѣчи, въ третьихъ, нѣсколькихъ словъ новыхъ (покрайней мѣрѣ для меня). Довольно замѣтно, что всё эти особенности имѣли причиною смѣшеніе русскаго элемента съ мордовскимъ: Вмѣсто *Ф* слышется *Х*: *Х(в)едя* (Федя), *Х(в)абрика* фабрика, *Х(в)унтъ*—

фунтъ, *Хомичъ* (Фомичъ). Буква Ч ставится вмѣсто Ц постоянно, и на оборотъ (въ *черкву*), что всего яснѣе и слышнѣе въ мѣстной поговоркѣ: «бродчи—молодчи! не видали-ли нашей овчи? Да какая она?—*порна*». Не мѣшаетъ прибавить, что въ данномъ случаѣ и имѣеть довольно мягкой отгѣнокъ. Это не *цово* и не *цаво*, а какое-то среднее *тишево*, *тишиво*. Измѣненія въ грамматическомъ строѣ рѣчи завистли-ли отъ влiянiя мордовскаго языка, или произошли отъ другихъ причинъ, не могу сказать по малому знакомству съ мордовской рѣчью; во всякомъ случаѣ въ данной мѣстности замѣчено мною такихъ аномалiй очень не много. Вотъ примѣры: Хонька (Фiона или Февронiя) лежитъ у *Орнѣ* (у Орины) на *печѣ* (на печи), больно *заумирала* (захворала). Вечоръ была у *кумѣ* на запобѣ, пѣсни *пѣила*, знамо *надуилась!* Охатъ сердешна, а Ванѣя (уменьшительное ласкательное — Ваничка, Ваня, Ванюшка) стоитъ *воольнее*, да плацать. Килиграхъ (столбъ) стоитъ вдоль избы. Къ мѣстнымъ особенностямъ рѣчи относится нѣсколько словъ, которыя неудавалось слышать подѣ Нижнимъ. Тамъ заборъ—здѣсь замѣтъ; плоская крыша надъ дворомъ, плоскуша, прямица—здѣсь *лапаксъ*, по всей вѣроятности мордовское; тамъ кадка—здѣсь *стойка*; тамъ лагунъ и бочка,—здѣсь только бочка; тамъ кубанъ и кринка (молочная посуда), здѣсь только кринка; тамъ половица, здѣсь *протесь*, *протесина*; тамъ калякають—здѣсь *бакуляють*. Возвышенный отдѣльный холмъ тамъ маръ, курганъ,—здѣсь *шихонъ-шолмъ*. Узкая долина между холмами, *вершина*, *пумора*, пространство, заросшее мелкимъ кустарникомъ, который не разрастается дальше и выше отъ потравы светомъ. Это слово даетъ ключъ къ объясненiю имени села *Помры*, Нижегородскаго уѣзда около Пальца, между Талюдининовымъ и Берсеменовымъ (Берсеменово, Босурманово). Что мѣстность, гдѣ пишутся эти строки—*Черевамово*, была еще не очень давно мордовскою и тому обязана особенностями рѣчи, о коихъ выше сказано, это довольно ясно изъ названiя окрестныхъ урочищъ: *Витолейка*, *Камален*, *Музяра*, *Максарка*. Самое село, по преданiю, называлось прежде Кичексаново. Первая колонiя русскихъ пришлецовъ поселилась на восточной сторонѣ села отдѣльной слободкой, и эта слободка доселѣ зовется *Русь*.

III.

ПОХОЖДЕНIЯ КРЕСТЬЯНИНА-АРХЕОЛОГА П. Д. ДРУЖКИНА.

(Извлеченiя изъ его записки).

Я государственнiй крестьянинъ Нижегородской губернiи, Балахнинскаго уѣзда, деревни Соромова, занимаюсь собиранiемъ древностей болѣе пятнадцати лѣтъ и доставляю ихъ ученымъ людямъ. Вотъ однажды, въ 1875 году, во время Макарьевской ярмарки, я занимаюсь собиранiемъ древнихъ вещей: крестиковъ, колечекъ, серѣжекъ, брошечекъ, монетокъ, братинокъ, кубковъ, стаканчиковъ, — и просто всякой древней вещи, какая бы она ни была, только бы была древняя. Пришелъ ко мнѣ знакомый человекъ изъ деревни Абрамовой (близъ безуѣзднаго города Плеса, Костромской губ. и уѣзда) Теофанъ Ипатычъ и смотритъ на мое собранiе, и говоритъ: «ахъ, Петръ Данилычъ, у меня есть найдена вещь, похожа на клѣточку, а найдена то у насъ въ полѣ, на бугоркѣ». Я и говорю: «ахъ, Теофанъ Ипатычъ, кабы ты ее да привезъ въ будущую ярмарку, такъ какъ я охотникъ до такихъ вещей, ты бы такъ мнѣ удружилъ». Онъ говоритъ: «изволь, привезу въ будущую ярмарку. А въ 1876 году привезъ онъ мнѣ ее и

